

Мартынов Владимир
(кампозитор)

21.1.02

Свидетель смерти

Композитор Владимир Мартынов и «Танцы Кали-Юги» в центре «Дом»

Известия, - 2002. - 21 янв.

- с. 7

Центр московской альтернативной музыки — «Дом» на «Новокузнецкой» — весь свой ближайший расширенный уик-энд (он у них длится с четверга по воскресенье) посвящает композитору с консерваторским образованием. Будет четыре концерта и одна выставка. Будут хорошие исполнители и модная тусовка. Сюда придут профессора и студенты, верующие и атеисты, члены Союза композиторов и те, кто вообще никогда не слушает новую академическую музыку. Статусное мероприятие в принципиально антистатусном месте — такое может произойти только с композитором Владимиром Мартыновым, который решился на первый в своей жизни авторский фестиваль.

Екатерина БИРЮКОВА

Владимир Мартынов — уникальная фигура нашей музыкальной культуры. Нет другого такого композитора, столь ясно, толково, истово и целенаправленно убеждающего себя и окружающих в бессмысленности всего происходящего вокруг, столь опасливо сторонящегося какого бы то ни было мейнстрима, столь явно предпочитающего позицию стороннего наблюдателя позиции творца. Любимая тема мартыновских устных высказываний, литературных штудий (он выпустил несколько очень полемических книг), аннотаций к собственной музыке и вот теперь еще и собственной инсталляции на выставочном втором этаже «Дома» — смерть искусства, закат человечества, последний вздох Кали-Юги. Красивое название его сочинения, давшее название всему «домовскому» фестивалю, — «Танцы Кали-Юги» — для знатоков древнеиндийской мифологии, понимающих, что этим словом обозначается последний период мировой истории, звучит печально.

Сам Мартынов прекрасно разбирается не только в древнеиндийской мифологии, но также в русском богослужебном пении, ранней европейской полифонии, шаманском ритуале, французском структурализме и много

в чем еще. Сейчас он пишет книгу о социальном функционировании музыки, в связи с чем интересуется практикой межличностных отношений. Его культурологические пробежки по разным векам, континентам и видам духовной деятельности могут вызывать споры и даже негодование, но профанацией они точно не являются. Но все же не тем дорог нам Мартынов. По мне, пусть говорит и думает что хочет, если это помогает ему оставаться композитором.

Мартынов, непрерывно констатирующий смерть Композитора, является одним из самых плодотворных, исполняемых и заслуженно любимых представителей этой профессии. Вокруг него имеется сектантски-преданная группа знатоков, но он не закрыт и для гораздо более широкого круга. Говоря всяческие безнадёжные вещи, Мартынов странным образом оптимизирует ситуацию, сложившуюся вокруг Союза композиторов. Он один из немногих, кому удалось доказать, что новая академическая музыка — это не горькое лекарство и не противный укол, что она вполне пригодна для нормальной жизни. Одним из дисков, которые наряду с Пьяццоллой, Джоном Адамсом и Земфирой Я, например, всегда вожу в машине, является недавно вышедший мартыновский «Come

in». До этого вполне неплохо каталось под его «Ночь в Галиции».

Уникальность Мартынова в том, что он смог соединить консерваторский профессионализм и европейское чувство формы с чутким и честным пониманием нашей здешней культурной реальности. Как и все уважающие себя семидесятники, он начал с авангарда. Через рок-культуру, фольклор и православное пение пришел к очень самобытному минимализму, медитативную, вневременную сущность которого вправил в жесткие рамки идеально-устойчивой музыкальной архитектуры. Музыку Мартынова на самом деле, конечно, лучше не в машине слушать. Она требует напряженного внимания — от начала и до конца. Сочинения у него, как правило, не короткие. Самое важное обычно происходит в финальных тактах. Но для того чтобы понять, насколько эти такты важны, надо пройти сквозь удивление, иронию, усталость, разочарование, ярость, привыкание, отвыкание, снова удивление и, наконец, экстаз. В награду за пытку мартыновским временем получите гарантированный подарок в виде перехода в новое состояние.

В Москве живет куча композиторов, некоторые из них — отличные профессионалы, которых не стыдно послушать в Ев-

ропе. Мартынов — композитор, которого не стыдно слушать здесь. Без его сочинений сложно представить себе репертуар Марка Пекарского, ансамбля православной музыки «Сирин» и ансамбля «Opus Posth», возглавляемого женой Мартынова Татьяной Гринденко. Именно к Мартынову в последнее время обращаются за музыкой для образцово-гениальных спектаклей («Плач Иеремии» в театре Анатолия Васильева), продвинутых официальных торжеств (баховский юбилей в БЗК) или смелых актуальных проектов («Страсти по Матфею-2000»). Не удивлюсь, если в скором времени он напишет что-нибудь вроде оперы для какой-нибудь крупной сцены страны — приговаривая при этом, что последним оперным композитором был Рихард Штраус.

Композитор с обочины, он исподволь становится культовой фигурой, негласным первым автором Москвы — создавая своим эпическим творчеством удачную антитезу изысканным рефлексиям культового питерского аутсайдера Леонида Десятникова. Если символ десятниковского творчества — многоточие, то мартыновского — жирная точка, как бы он сам того ни отрицал. Но, повторяю, пусть говорит что хочет. Лишь бы музыку писал.

• Справка «Известий»

Кали-Юга — в мифологической хронологии последняя из четырех юг, «век демона Кали», называемый также «железным веком». Ее продолжительность — 1200 «божественных» лет или 432 000 человеческих. Это самый плохой век. От первоначальных добродетелей остается лишь одна четвертая часть, к тому же быстро убывающая. Люди подвержены собственным пагубным страстям, ими овладевают злоба, страх, глупость, ненависть, лживость и другие пороки. В настоящее время мы находимся в эпохе Кали-Юга, которая началась в 3102 г. до н. э. (из словаря «Индуизм. Джайнизм. Секхизм»: М., «Республика», 1996).